

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.18>

УДК 81'42

ББК 81.006.3

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНОЙ СИТУАЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ИСТОКА

Надежда Михайловна Орлова

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики,
Национальный исследовательский Саратовский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского

nador2006@rambler.ru

ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с библейским текстом как прецедентным феноменом в русской и европейской литературе и культуре. В центре внимания автора находится ветхозаветная ситуация «Сарра и Агарь» и формирующиеся на ее основе ключевые концепты.

Поскольку эта ситуация содержит драматический элемент, ее сюжет построен по новеллистическому типу и в библейском нарративе отмечается наличие женских образов, в прецедентном поле рассматриваемого сюжета в прозе и поэзии наиболее активно происходит формирование и экспликация концептов 'семья', 'любовь', 'ревность', 'измена' и т. п.

В ряде художественных текстов актуализируются субситуации «Бегство Агари» и «Агарь в пустыне» с ослаблением прецедентного потенциала иных субситуаций религиозного содержания в рамках рассматриваемой прецедентной ситуации.

Смысловая эволюция концептов изучалась при помощи метода сравнения когнитивной матрицы библейского текста и художественных произведений, написанных в разное время и на разных языках.

В результате проведенного анализа установлено, что при значительных деформациях в структуре когнитивной матрицы библейского текста в процессе реализации его прецедентного потенциала отмечается как концептуальная связь с исходным текстом Библии, так и универсальный межкультурный характер ключевых концептов. В связи с наличием в структуре концептов 'Агарь' и 'агаряне' латентных смысловых квантов ('развод', 'разврат'; 'мусульмане', 'иноверцы' и др.) и возможностью иронического представления библейских смыслов, заложенных в когнитивной матрице первоисточника, прогнозируется их дальнейшая смысловая эволюция в европейских лингвокультурах.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентная ситуация, библейский текст, Агарь, агаряне, художественный текст, концепт.

Среди разнообразных прецедентных феноменов библейский текст имеет особый статус, а концепты библейского истока играют огромную роль в формировании когнитивной картины мира разных народов.

Библейская прецедентная ситуация (ПС) «Сарра и Агарь» относится к ситуациям, содержащим драматический элемент. Сюжет построен по новеллистическому типу, подобно ситуациям «Руфь», «Лия и Рахиль» и др. [1, с. 277–278], поэтому сразу можно предположить, какие именно концепты будут формироваться на ее основе и какие предсказуемые изменения в структуре когнитивной матрицы и ключевых библейских концептов будут происходить. Для рассматриваемой библейской ситуации важнейшими являются концепты ‘всемогущество Бога’ (рождение Исаака – то, что выше человеческого естества), ‘неисповедимость Божьего промысла’. В библейской «жестокости» есть смысл, который выше понимания земного человека; в изгнании и страданиях Агари прочитывается ее грядущее предназначение. Наконец прецедентные имена праотца множества народов Авраама, пра-матери Сарры, их сына Исаака формируют когнитивную линию ‘семья’ и соответствующий концепт. Ситуация содержит важнейшее условие для реализации прецедентного потенциала сюжетов данного типа – наличие в библейском нарративе женских образов. Варьирование когнитивной линии ‘семья’ – одной из важнейших в анализируемом прецедентном тексте – позволяет предположить порождение концептов ‘семья’, ‘любовь’, ‘женственность’, ‘ревность’, ‘измена’ и т. п.

Обращение к рассматриваемой прецедентной ситуации имеет давнюю традицию в богословии и религиозном красноречии (см., например, «Слово о законе и благодати» Митрополита Илариона), где закон Ветхого Завета связан с рабством (Агарь, рабыня), а благодать Нового Завета – со свободой (Сарра). Д. Щедровицкий подчеркивает глубокий религиозно-философский смысл сюжета. «Человек, целиком захваченный сиюминутной обидой, – пишет он, – может забыть о смысле и

цели своей жизни, и именно это случилось с Агарью. <...> Агарь и ее сын умирали от жажды, а ведь колодец с водой был совсем рядом. Но их очи были закрыты! Этот колодец с живой водой находится внутри нас, а мы умираем от жажды» [3, с. 141, 185–186]. Особое внимание уделено Д. Щедровицким пророчествам о том, что от Измаила Бог «произведет великий народ» [3, с. 142].

При обращении к прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса наблюдается постепенное искажение когнитивной матрицы библейского текста, динамическое варьирование ее смыслов. Так, у Якова Полонского («Агарь», 1855) можно отметить, с одной стороны, актуализацию одного из наиболее важных концептов библейского претекста (и Библии в целом) – Агарь-мать, пра-матерь мусульман; с другой – привнесение рассказа о ее жизни в доме Авраама и перенесенных там страданиях: *...Ложь, где так много пролила я слез!* «Пролитые слезы» – одно из первых в русской классике упоминаний об Агари как «плачущей», «рыдающей». Аллюзии на другую Мать – Богородицу – также традиционны и находятся в русле религиозной традиции Нового Завета: связь с религиозно-философским смыслом библейского претекста может оставаться достаточно прочной, поскольку последний содержит не только пророчество рождения Спасителя, но также упоминание о животворном источнике духовной силы («колодец»), на который указал Агари и ее сыну Ангел (см.: Мирра Лохвицкая «Плач Агари. Моему сыну Измаилу»).

Атрибуция Агари как «матери, изгнанной из дома отцом ее ребенка», оживляет в имени ключевого концепта различные смысловые кванты, связанные с общезыковым концептом ‘покинутая женщина’. В этих случаях актуализируются субситуации «Бегство Агари» и «Агарь в пустыне» и происходит ослабление прецедентного потенциала иных субситуаций в рамках рассматриваемой ПС («Бесплодие Сарры» (Быт. 16, 1–2); «Окончательное заключение завета между Богом и Авра-

амом, обрезание, в том числе Измаила» (Быт. 17); «Поведение Измаила на пиру» (Быт. 21, 9) – обращения к ним крайне редки). В сознании носителей многих языков закреплены ассоциативные ряды, связанные с плачем, страданием, одиночеством Агари:

Тоска, тоска звериная! Впервые жжет слеза Египетские, длинные, Пустынные глаза (София Парнок «Агарь»); *Od słońca pożaru szerniała mi głowa, A wkoło pustynia; do Ciebie, Jehowa, Podnoszę płaczący mój głos* (Kornel Ujejski «Nagar na puszczy»).

Ср. также:

– *Хитра ты, да ведь и я не промах <...> но раз, что кончим мы с Бодростиньм и ты будешь моя жена, а Лариса будет моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... в бараний рог согну!..* (Н. Лесков «На ножах»).

В приводимом ниже примере из стихотворения Габриэлы Мистраль «Терновник» (или «Боярышник», «El espin») в переводе Инны Лиснянской аллюзия на страдания Агари осуществлена за счет отсылки к другому прецедентному тексту Библии – Книге Иова, сближения в одном контексте двух известных прецедентных имен (Иова и Агари):

И – я терновник обняла с любовью (так обняла бы Иова Агарь): мы связаны не нежностью, а болью <...> (ср. *cual si Agar abrazara a Job*).

Итак, плачущая Агарь страдает от того, что изгнана из дома отцом ее ребенка, хотя в религиозной картине мира (применительно к Агари – прежде всего в мусульманстве) эти слезы имеют иной смысл, как плач тех смертных, которые знают, что Бог в своей сущности недоступен. Дальнейшее варьирование ПС и генерирование новых смысловых квантов связывается с общеязыковыми концептополями 'любовь', 'измена', 'ревность'. Очевидно, что подобное переструктурирование когнитивной матрицы библейской ПС в рамках художественного дискурса демонстрирует ее существенное варьирование, которое, как было отмечено, является предсказуемым. Обращение к рассматриваемой ситуации особенно характерно для поэзии. Агарь – востребованный любовной лирикой символ покинутой, отвергнутой женщины, Измаил – брошенное отцом дитя:

*...И кто в сутулости отмеченной,
В кудрях, где тишина и гарь,
Узнает только что ушедшую
От дремы теплую Агарь <...>
Как стянут узел губ отринутых!
Как бьется сеть упругих жил!
В руках какой обидой выношен
Жестковолосый Измаил!* (Илья Эренбург);

*Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»* (Марина Цветаева);

*Nam szaty od skwaru opadły w kawałach,
I rzemień popękał na naszych sandałach,
I cierpi, i płacze mój syn.
Jam, Panie, kochała i była kochaną,
Szczęśliwą – to słusznie, że jestem karaną,
Lecz syn mój, Ismael – bez win* (Kornel Ujejski).

Однако о том, что Агарь «любила», «была любима» и «счастлива», речь в библейском тексте вообще не идет и Измаил страдает не вполне безвинно (*bez win*), если вспомнить его поведение на пиру.

Привнесение новых смысловых квантов в структуру ПС и ее ключевого концепта отличается большим разнообразием, поскольку разнообразны человеческие отношения в рамках любовных треугольников; например, Сарра (= жена) целует Агарь (= соперницу) в стихотворении Светланы Кековой «Славят лето Господне...»:

*Славят лето Господне крестьянин и царь,
а луна в небесах как волшебный фонарь,
он над домом качается, смотрит в окно,
где уставшая Сарра целует Агарь <...>.*

В рассказе И. Бунина «Натали» героиня (Гаша), внешне удивительно похожая на библейских женщин (*...отец когда-то говорил: «Вот, верно, такая была Агарь»*), – не законная супруга и не «госпожа», а «наложница» и «крестьянская сирота» (= рабыня, подобно Агари). Отсылка к рассматриваемой прецедентной ситуации эксплицирует концептополе 'трагическая любовь'. Агарь – юная (*...вид она имела еще полудетский*), черно-волосая, с «темной тонкой кожей» и «глазами цвета сажи» – в когнитивной картине мира носителей русского языка всегда «брошенная возлюбленная»; сходство подчеркнуто созвучием имен (*Гаша / Агафья – Агарь*). Заме-

тим, что для И. Бунина образы библейских героинь обладают огромной притягательной силой. Натали в прецедентном поле данной ПС приобретает черты как Сарры, так и Агари: она не законная, а «тайная» жена, погибающая в «преждевременных родах». Нельзя не отметить и обращения писателя к прецедентной ситуации «Лия и Рахиль». Герой стремится к счастью с «Рахилью» (Натали), но *по крайней молодости и <...> удивительному стечению обстоятельств* получает взамен, подобно Иакову, «Лию» (Соню). Кончина Натали повторяет трагическую смерть Рахили, умершей при рождении Вениамина. Однако по сравнению с библейскими претекстами концептополе ‘смерть, гибель’ в рассказе Бунина эксплицировано значительно более отчетливо. Встреча с овдовевшей Натали (*предлог был страшный, но законный*) происходит на фоне отпевания, *в сумраке и ладане этой страшной залы*; наконец умирает и сама героиня. Судьба новорожденного неизвестна, но осиротел ее старший ребенок, подобно тому как Рахиль оставила после себя не только Вениамина, но и Иосифа. Вся концептосфера трагической любви служит убедительным доказательством динамических возможностей библейской прецедентности, бесконечного варьирования когнитивной матрицы библейских прецедентных ситуаций.

Реализация прецедентного потенциала библейской ситуации «Сарра и Агарь» путем вербализации концептополей ‘любовь’, ‘ревность’, ‘измена’ и т. п. в прозе может сочетаться с ее ироническим переосмыслением. Так, в «Старинных психопатах» Н. Лескова прецедентные отсылки эксплицируют поле ‘разврат’; на этом основана горькая ирония рассказчика:

Невероятная, примитивная простота этих отношений, напоминающая собою библейский рассказ о Сарре и Агари, становится еще невероятнее, если дать веру частностям, которые рассказывают о жизни этих супругов.

Степан Иванович был какой-то чистый турок. По отношению к своим многообразным привязанностям он совмещал в себе все роды любви, от мимоходных неосторожностей до привязанностей к одалискам и к первой султанше.

Такого рода переосмысления, включающие различные оттенки комического, доволь-

но часты в текстах европейской литературы (ср.: Дж. К. Джером «Как мы писали роман» / «Novel Notes»).

В качестве примера комического (трагикомического) обращения к ситуации «Сарра и Агарь» можно привести также фрагмент романа Эрве Базена «Анатомия одного развода» (в оригинале «Madame Eх»; перевод Ю. Жукова и Р. Измайловой), где имя ключевого концепта вовлечено в концептополе ‘развод’:

– Она очень энергична, – разъяснила Эмма. – После первого замужества у Агнессы осталась девочка. Потом она вышла замуж во второй раз: остался мальчик. Два развода. Отцы скрылись и не помогают. Но она устроилась неплохо, открыв посредническое агентство. И по ее же инициативе был создан клуб «Агарь»... в память Агари, рабыни Авраама, которую этот подлец изгнал в пустыню вместе с сыном Измаилом, когда Сарра родила ему Исаака.

Обо всех этих деталях из жизни древней Иудеи Алина, уроженка Анжу, думала со смущением <...>.

Следует еще раз подчеркнуть, что динамическое варьирование смысловой структуры ключевого концепта ‘Агарь’ во многом предопределено содержательными параметрами библейского претекста (рождение «внебрачного» ребенка, конфликт между наследниками по праву первородства и рождения в законном браке, изгнание Агари и т. д.).

Менее предсказуемым является актуализация в структуре концепта ‘Агарь’ смысловых квантов, связанных с происхождением от Агари «великого народа», развитие новых значений у номинанта концепта, появление новых словообразовательных связей. При этом явления, наблюдающиеся в языковой и когнитивной картине мира многих народов, во многом сходны.

Так, *агаряне* (иногда метонимически: *Агарь*) – «арабы, мусульмане» – производное, унаследованное из старославянского языка, активно употребляется в текстах религиозного содержания, в житийной литературе. Еще в начале прошлого века считалось, что это слово «ясное», не нуждающееся в особых толкованиях и параллелях. В художественном дискурсе и в русском языковом сознании – «иноверцы, мусульмане», наименование лиц по на-

циональности, актуальное для данного периода развития социума – «арабы», «турки», «чеченцы» (М.В. Ломоносов «Ода ... на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года»; А.П. Сумароков «Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии» и др.).

В большинстве современных лексикографических источников для иллюстрации использования этого малоупотребительного слова в контексте приводится пример из «Живых мошей» И. Тургенева: *А то вот еще мне сказывал один начетчик: была некая страна, и ту страну агаряне завоевали* (БАС 1, с. 40; ССРЛЯ 1, с. 77).

Вовлечение прецедентного имени Агарь в концептополе 'мусульманство' широко представлено в творчестве И. Бунина. Так, стихотворение «Путеводные знаки» имеет эпиграфом цитату из Корана: *Он ставит путеводные знаки. Ср.: Он расположил знаки на дорогах. Люди руководствуются также в пути звездами* (Кор. 16: 15–16). Считается, что арабы ориентируются в пустыне по каменным глыбам или по грудам разбросанных камней. Textoобразующую функцию выполняют одновременно и отрывок из Корана, и отсылка к субситуации «Изгнание Агари»:

*Путь по пескам от Газы до Арима
Бог оживил приметами, как встарь.
Привет вам, камни – четки пилигрима,
В пустыне ведущие Агарь!*

Также:

И заунывно-равнодушно наигрывает на плачущей свирели мимо проходящий пастух <...> Со всем не о Соломоне напоминает этот потомок Измаила и Агари! (И. Бунин «Иудея»).

В русском языке этноним *агарянин* относится к числу немногочисленных экспрессивных этнонимов, имеющих окраску «высокое», «книжное». Данное слово, представленное в словарях современного русского языка с пометами «стар., обл. и фолькл.» (БАС 1, с. 40), «устар.» (ССРЛЯ 1, с. 77), охотно используют авторы исторических романов (см., например, Д. Мережковский «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи»; Валентин Иванов «Русь изначальная»; В. Пикуль «Фаворит»).

В украинском языке *агарянин*, *агарянский* (также устаревшее) – «магометанский; турецкий» (УРС 1, с. 5): *А в турецьку землю агаряньску Без кормиг прибило* (Тарас Шевченко «Невольник»).

Семантико-стилистические особенности номинанта концепта в болгарском языке заключаются в том, что слово (по вполне объяснимым причинам) имеет сниженную окраску «презрит.»: «Турчин, нехристианин» (РСБЕ 1, с. 5): *Какви са тия турци? – Агарянци, синко, врагове божии* (Иван Вазов «Под игото»).

В европейских языках номинант *Агарь* и производные имеют сходные значения. В словаре слов из сказок и мифов, впервые опубликованном в XIX в., Е. Cobham Brewer определял его следующим образом: *Hagarenes*. «*The Moors are so called, being the supposed descendants of Hagar, Abraham's bondwoman*» (BDPF, p. 311). В английском языке рассматриваемая лексема обычно употребляется в религиозных, а не в художественных контекстах. Вероятно, этим во многом объясняется то, что в данном словаре пример художественного использования слова *hagarenes* приведен из переводного текста (*San Diego <...> hath often been seen conquering <...> the Hagarene squadrons. Cervantes: Don Quixote*), ср. также в русском переводе Н. Любимова: *<...> он сокрушал, попираал, уничтожал и истреблял полчища агарян*.

Польское *Hagryci* также употребляется преимущественно в текстах религиозного содержания. Иными словами, в европейских языках рассмотренные номинанты эксплицируют концептосферы 'мусульмане', 'иноверцы'.

В связи с тем, что, несмотря на ограниченную употребительность русского *агарянин*, существует традиция использования его в художественных текстах, нет препятствий для дальнейшего вхождения его в язык беллетристики и публицистики.

В приведенных примерах обращение к прецедентному имени *Агарь* (точнее, к его производным) служит вербализации концептополя 'мусульманство', как правило, противопоставленного в языковой и когнитивной картине 'христианству'. Дальнейшая смысловая эволюция концепта в русском языковом сознании удивительным образом «коррелирует» с пророчеством, которое было дано Агари Ангелом по

поводу судьбы Измаила: «жить будет он пред лицом всех братьев своих» (Быт. 16, 10–12). «Всех братьев» – означает не только христиан, но также (и в первую очередь!) иудеев, современных израильтян. Беллетристика последних лет содержит обращение к концепту ‘Агарь’ с актуализацией ранее латентных квантов смысла ‘изгнание матери-мусульманки матерью-иудейкой’, ‘вражда между детьми, рожденными этими матерями, и их потомками’ и т. п. При этом отсылки к прецедентной ситуации достаточно многочисленны, ср.: в повести Керен Климовски «Рада»:

Читаю в Интернете рассказ о двух старухах – еврейской и арабской – которые лежат в иерусалимской больнице во время шестидневной войны, и арабка говорит: «Эта земля так же принадлежит мне, как и тебе, мы ведь обе – дочери Авраама». А еврейка отвечает: «Не заблуждайся, милочка, я – дочь хозяйки дома, а ты – дочь служанки...» <...> И тут начинаю думать про истоки этой вражды, может, и в самом деле библейские, про Сару – увядающую женицину, которая мучается оттого, что не может зачать от любимого мужа, и в отчаянии предлагает ему в наложницы свою служанку Агарь <...>, но больно Саре, она ревнует <...> и не выдерживает Сара и велит Аврааму прогнать Агарь <...> вот откуда – соперничество, противоборство, ненависть <...>.

При значительных деформациях в структуре когнитивной матрицы библейского текста по сравнению с текстами художественных произведений, написанных на разных языках, наблюдается как концептуальная связь с исходным текстом Библии, так и универсальный межъязыковой характер ключевых концептов, которые в редуцированном виде содержат основные смыслы рассматриваемой библейской ситуации (подробнее об этом см.: [2]).

Ее неисчерпаемая емкость позволяет предположить наличие латентных смысловых квантов и наноквантов, которые могут актуализоваться в соответствии с художественными задачами писателя, потребностями говорящих на разных языках и социумов в целом (так, в современной публицистике многочисленны обращения к данной ситуации в дискуссиях о суррогатном материнстве).

В целом для беллетристики XX века всеохватным стало свободное обращение с библейскими ситуациями, наполнение библейских

концептов новым смысловым содержанием в соответствии с авторскими идейно-эстетическими задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлова, Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен / Н. М. Орлова. – Саратов : Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2008. – 350 с.
2. Орлова, Н. М. Прецедентный потенциал Библейской ситуации / Н. М. Орлова // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 254–263.
3. Щедровицкий, Д. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево / Д. Щедровицкий. – М. : Теревинф, 2003. – 1088 с.

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 767 с.

РСБЕ – Речник на съвременни български книжовен език. В 4 т. Том първи. Свезка 1. – София: Българската академия на науките, 1955. – 160 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 1. – М. : Русский язык, 1991. – 864 с.

УРС – Украинско-русский словарь. В 4 т. Т. 1. – Киев : Изд-во АН УССР, 1953. – 506 с.

BDPF – Brewer, E. C. Brewer’s Dictionary of Phrase and Fable / E. C. Brewer. – N. Y. : Harper & Row, 1989. – 1220 p.

REFERENCES

1. Orlova N.M. *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyiy fenomen* [The Bible Text as a Precedent Phenomen]. Saratov, Saratovskiy gos. sotsialno-ekonomicheskiy un-t, 2008. 350 p.

2. Orlova N.M. *Pretsedentnyy potentsial bibleyskoy situatsii* [Precedent Potential of Bible Situation]. *Uchenye Zapiski KGU. Gumanitarnye nauki*, 2009, vol. 151, no. 6, pp. 251–263.

3. Shchedrovitskiy D. *Vvedenie v Vetkhiiy Zavet. Pyatiknizhie Moiseevo* [Introduction to the Old Testament. Torah]. Moscow, Terevinf Publ., 2003. 1088 p.

DICTIONARIES

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 1 [Dictionary of Modern Russian

Literary Language. In 17 vols. Vol. 1]. Moscow, 1950. 767 p.

Dictionary of Modern Bulgarian Literary Language. In 4 vols. Vol. 1. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, 1955. 160 p. (in Bulgarian).

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 20 t. T. 1 [Dictionary of Modern Russian

Literary Language. In 20 vols. Vol. 1]. Moscow, 1991. 864 p.

Ukrainsko-russkiy slovar. V 4 t. T. 1 [Ukrainian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1]. Kiev, Izd-vo AN USSR, 1953. 506 p.

Brewer E.C. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. New York, Harper & Row, 1989. 1220 p.

SEMANTIC STRUCTURE AND DYNAMICS OF PRECEDENTIAL SITUATION OF BIBLE CRADLE

Nadezhda Mikhaylovna Orlova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics,
National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
nador2006@rambler.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The article deals with the issues connected with the Bible text as a precedential phenomenon in the Russian and European literature and culture. The Old Testament plot of *Sarah and Hagar* as well as key concepts formed on its base are in the center of the author's attention.

As this situation contains a dramatic element, its plot is created as a novel type, and the Bible narrative is marked with the presence of female characters. In the precedential field of the presented plot, such concepts as 'family', 'love', 'jealousy', 'betrayal' and so on are the most actively formed and used in prose and poetry.

In a number of literary texts the plots of *Hagar's Escape* and *Hagar in the Desert* are activated with the weakening of precedential potential of other subsituations with religious content in the frames of considered precedential situation.

The semantic evolution of concepts was studied with the help of the method of comparison of cognitive matrix of the Bible text and novels written in different languages in different periods of time.

As a result of the carried out analysis, it is stated that under considerable deformations in the structure of cognitive matrix of the Bible text in the process of realization of its precedential potential, both conceptional link with the original Bible text, and universal multicultural nature of key concepts are marked. The conclusion is made that due to the connection with the presence of latent meaning quanta in the structure of concepts of 'Hagar' and 'Hagarenes' (such as 'divorce', 'debauchery', 'Muslims', 'gentiles' and others) and the possibility of ironic reconsideration of the Bible meanings that are kept in the cognitive matrix of the original, their further semantic evolution in European languages and linguocultures is considered to be promising.

Key words: precedential text, precedential situation, Bible text, Hagar, Hagarenes, fiction text, concept.